

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 338.24.021.8:94(477)

В. Н. ТАРАСЕВИЧ,
профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой политической экономии
Национальной металлургической академии Украины
(Днепр)

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ: АКТУАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ И ИМПЕРАТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ *

Рассмотрены актуальные аспекты этнонационального, цивилизационного и глобального контекстов, а также социально-экономических условий назревших национально ориентированных реформ в Украине. Сделан акцент на их жизненно важных императивах, недооценка которых чревата необратимой периферизацией национальной экономики и общества.

Ключевые слова: этнос, суперэтнос, нация, цивилизация, мир-система, глобализм, экономические интересы, собственно институты, протоинституты, развитый центр, полупериферия, периферия, государственный капитализм, национальные согласие и консолидация, стратегия развития.

V. N. TARASEVICH,
Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Department of Political Economy,
National Metallurgical Academy of Ukraine
(Dnepr)

A QUARTER OF A CENTURY OF UKRAINE'S INDEPENDENCE: ACTUAL CONTEXTS AND IMPERATIVES OF SOCIO-ECONOMIC REFORMS

Actual aspects of ethnonational, civilizational and global contexts as well as socio-economic conditions of urgent nationally oriented reforms in Ukraine have been considered. Emphasis is placed on their vital imperatives, the underestimation of which threatens irrevocable peripherization of the national economy and society.

Keywords: ethnos, superethnos, nation, civilization, world-system, globalism, economic interests, institutes per se, proto-institutes, developed center, semi-periphery, periphery, state capitalism, national accord and consolidation, development strategy.

Геополитические и геоэкономические координаты

Полноценная самоидентификация украинского общества и государства невозможна без научно обоснованного определения их положения в *новых* геополитических и геоэкономических координатах. Геополитика и геоэкономика — феномены глобального масштаба, а потому подчинены объективным законам, закономернос-

© Тарасевич Виктор Николаевич (Tarasevich Viktor Nikolaevich), 2017; e-mail: viktartasevich@gmail.com.

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начатой в журнале “Экономика Украины” № 8 за 2016 г., в авторской редакции. Окончание. Начало см. в № 7, 2017 г.

тям и тенденциям *современной* глобализации, в том числе: глобальной интеграции, ускорения и неоконвергенции глобального развития, экономической деградации глобальной периферии, формирования глобального и транснационального корпоративизма, технологического империализма, экономического терроризма глобальных корпораций [29; 30]. В то же время для национальных экономик и фирм сохраняется значимость абсолютных, сравнительных и факторных преимуществ, детерминант конкурентоспособности, императивов инновационного лидерства и накопления капитала. Если опираться на признанные научные разработки школ *мир-системного анализа и глобалистики*, то следует признать неизбежность действия указанных законов, закономерностей и тенденций не только в *мир-системе глобализма* в целом, но и в каждом из ее взаимосвязанных структурных блоков – развитием *центре*, развивающейся *полупериферии* и стагнирующей *периферии*, – разумеется, в соответствующих особых формах и проявлениях.

Родившись в середине XVII в. в активно капитализировавшейся Западной Европе, современная мир-система в процессе четырехвековой экспансии охватила практически весь земной шар. В разных исторических условиях ее (мир-системы) западноевропейско-североамериканский центр осознанно-вынужденно обращался к разным идеологиям, механизмам и способам господства, всякий раз присваивая львиную долю доходов и благ и оставляя полупериферии и периферии либо незначительные выигрыши, либо значительные убытки. Взятая им на вооружение и активно продвигавшаяся в течение нескольких последних десятилетий *неолиберальная и моноцентрическая модель глобализации*, с одной стороны, принесла ему невиданные ранее геополитические и геоэкономические завоевания, обеспечив восхождение к зениту славы и господства, а с другой – недвусмысленно обозначила пределы экспансии и начало заката. По мнению И. Валлерстайна, “миро-система модернизируется, подобно любой системе, не может развиваться вечно и придет к своему концу, когда исторические тенденции приведут ее в точку, где колебания системы станут настолько масштабными и хаотичными, что окажутся несовместимыми с обеспечением жизнеспособности ее институтов. В случае достижения этой точки случится бифуркация, и как результат эпохи перехода (хаотического) система будет заменена одной или несколькими другими системами” [31, с. 51].

Прежде всего, очевидные признаки кризиса и вхождения в режим глобальной бифуркации демонстрирует развитый *центр* мир-системы. Таковыми, в частности, являются: снижение удельного веса его совокупного ВВП в мировом ВВП, растущий совокупный государственный долг, достигший поистине астрономических размеров, падение глобального влияния G7 как ядра центра, неудачи в продвижении Транстихоокеанского и Трансатлантического партнерств, крупные геополитические провалы на Ближнем Востоке. Лидер развитого центра и *глобальный гегемон* США остаются крупнейшей экономикой и военно-политической силой мира, но их доминирование уже не является столь же безусловным, как в 90-е годы прошлого века. Судя по значениям основных индексов национального развития (см. колонку 3 в табл. 2), по ключевым показателям национального развития США уступают другим странам центра, к тому же теряя промышленное лидерство, что, по мнению И. Валлерстайна, предшествует потере такового в торговле и финансах, а следовательно, и статуса мирового экономического гегемона * [32, р. 38–40].

* В связи с этим знаковой является победа Д. Трампа – представителя не финансового, а промышленного капитала США. Таким образом саморегулируемая демократическая система отреагировала на тревожные глобальные вызовы и включила политический механизм поиска адекватных ответов. Насколько он окажется эффективным, покажет время.

Таблица 2

Индексы национального развития *

Показатели	Годы **	Страна-лидер, максимальное значение индекса	Средневзвешенный мировой ***	Украина		Сопоставление	
				баллы/ значения	ранг / количество обследованных стран	со средним	с максимальным
1	2	3	4	5	6	5:4	5:3
Территория (км ²)	2016	РФ, 17075400		603549	44/197		
Численность населения страны (млн. чел.)	2016	КНР, 1368,92		42,76	32/197		
Обеспеченность природными ресурсами, экспертная оценка стоимости ресурсов (трлн. дол.)	2010	РФ, 75,7		6,4 (на 01.01. 2008 г.	Нет данных		
Индекс человеческого развития (HDI)	2014	Норвегия, 0,944	0,673	0,747	81/188	1,11	0,79
ВВП на душу населения (тыс. дол., по ППС)	2014	Катар, 96992,90	16971,99	7552,40	104/185	0,44	0,08
ВВП на душу населения (тыс. дол., по текущему курсу)	2015	Люксембург, 101450	10057,9	2114,9	112/185	0,21	0,021
Глобальный индекс инноваций, в том числе: – инновационный потенциал; – инновационные результаты	2015	Швейцария, 68,30	36,92	36,45	64/141	0,98	0,53
		72,20	42,24	39,1	84	0,93	0,54
		68,63	34,78	33,9	47	0,97	0,49
Индекс технологического развития	2016	Швейцария, 6,4	4,29	3,6	85/138	0,89	0,56
Индекс экономики знаний	2012	Швеция, 9,43	5,92	5,73	54/146	0,925	0,61
Индекс глобальной конкурентоспособности	2016	Швейцария, 5,80	4,32	4,0	85/138	0,97	0,72
Индекс человеческого капитала	2015	Финляндия, 85,78	72,13	76,21	31/124	1,06	0,89
Индекс социального прогресса	2014	Новая Зеландия, 88,24	61,17	64,91	62/132	1,06	0,74
Индекс человеческих возможностей	2014	Новая Зеландия, 88,01	54,68	55,33	74/132	1,01	0,63
Индекс экономической глобализации	2015	Сингапур, 95,69	52,51	67,52	56/155	1,28	0,71

Окончание таблицы

Индекс экологической эффективности	2016	Финляндия, 90,68	60,16	79,69	44/180	1,32	0,88
Индекс развития информационно-коммуникационных технологий	2016	Южная Корея, 8,84	5,36	5,33	76/175	0,99	0,60

* Составлено д.э.н., профессором Е.А. Завгородней на основе: Державний комітет статистики України. – 20.12.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ukrstat.gov.ua>; [33, с. 150]; Global Competitiveness Report. – 21.12.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2016-17.pdf; ITU. ICT Statistics. – 12.06.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>; KEI. – 01.08.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp; The Global Innovation Index. – 11.12.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.globalinnovationindex.org>; The World Bank data. – 17.03.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://data.worldbank.org>; The Legatum Prosperity Index. – 21.12.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www3.prosperity.com/#!>; The Social Progressive Imperative. – 05.10.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.socialprogressimperative.org/data/spi#map/countries/spi/dim1,dim2,dim3>; UNDP. Human Development Report 2015. – 14.03.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hdr.undp.org/en/2015-report/download>; World Economic Forum. The Human Capital Report. – 10.03.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://reports.weforum.org/human-capital-report-2015/rankings/>.

** Последние доступные данные.

*** Показатель, средневзвешенный по доле ВВП соответствующей страны в совокупном ВВП обследованных стран.

Не укрепляет позиции центра и усиливающаяся *напряженность* в его отношениях с *полупериферией и периферией* мир-системы. Подавляющее большинство стран, которые безоговорочно следовали рекомендациям МВФ и Вашингтона, получили практически одинаковые результаты: рост внешнего долга, отсутствие стимулов и инициативы в создании и развитии национальной промышленности, а также вложений в техническую модернизацию сельского хозяйства, снижение уровня образования, науки и здравоохранения, уменьшение социальных гарантий, рост безработицы и люмпенизация широких слоев населения, расцвет теневой экономики [34] – в полном соответствии с законом экономической деградации глобальной периферии. Попытки прозападной демократизации некоторых стран посредством “цветных” революций привели их к глубокому кризису, а некоторых – к распаду и/или утрате единой государственности. Если разрыв между доходами 20% наиболее богатых и 20% наиболее бедных жителей планеты после окончания Второй мировой войны был 7–9-кратным, то в начале текущего века он стал 50–75-кратным [35, с. 64], что свидетельствует об усилении неоимпериалистической эксплуатации и неравенства в распределении доходов.

Прямые и косвенные удары центра по государственности ряда стран, ослабление или разрушение государств, “внешнее” управление их политической элитой преследуют цель преодоления всех преград (главной из которых является именно *национальное государство*) на пути ТНК, включения в их глобальные воспроизводственные контуры и цепочки создания стоимости тех немногих элементов национальных экономик, которым посчастливится выжить в “равной и свободной” рыночной конкуренции.

Ответ полупериферии и периферии на усиление геополитического и геоэкономического давления центра становится более жестким, поливариантным и болезненным для последнего. Речь идет о глобальном терроризме, который принимает все более организованные формы, в том числе квазигосударственные, и все

смелее пересекает границы стран центра; значительном росте численности и активности “опасных классов” (И. Валлерстайн) и радикальных движений, в том числе в странах центра; упомянутом кризисе “плавильного котла” и мультикультурализма, “цунами” этнической миграции, угрожающим национально-цивилизационной идентичности ряда западноевропейских стран; “размывании” среднего класса, нарастании социальной напряженности и дестабилизации внутривнутриполитической обстановки. Совершенно очевидно, что *грядущий* мировой экономический кризис отнюдь не смягчит остроту и болезненность указанных ответов для стран центра.

Но, как говорится, пришла беда – отворай ворота. В последние годы центр мир-системы столкнулся с еще более опасными вызовами. *Во-первых*, с угрожающе-опережающим экономическим развитием тех стран полупериферии, которые смогли сохранить и *укрепить* свою национальную государственность и субъектность, поставить государственную машину на службу *общенациональным* интересам и превратить ее в мощный катализатор и локомотив глобальных инновационно-инвестиционных прорывов. Они хорошо изучили опыт укрепления экономического суверенитета ряда стран, освободившихся из-под колониальной зависимости в первой половине прошлого века, адаптировав его к современным условиям, обогатив эффективными новациями и превратив в факторы экономических успехов. В их числе – формирование мощного государственного капитализма, эффективная поддержка национального частного капитала и ограничение экспансии иностранного спекулятивного капитала, разумный протекционизм и импортозамещение, концентрация ресурсов на развитии технологий V и VI технологических укладов. Настоящим шоком для хозяев современной глобальной экономики стал беспрецедентный прорыв экономики Китая на позиции второй в мире (по некоторым оценкам, по паритету покупательной способности юаня – уже первой [36, р. 147]) и главной мировой промышленной фабрики. Ее влияние на экономику США стало настолько существенным, что весьма ограничило поле их военно-политического маневра с целью “проучить” конкурента. Тем не менее, в ближайшие годы *противостояние между гегемоном и претендентом на роль одного* может ощутимо обостриться.

Во-вторых, как это ни покажется парадоксальным, но страны центра являются не только свидетелями, но и участниками формирования, если пока и *не полицентричной*, то, во всяком случае, *бицентричной* мир-системы *. Речь идет о консолидации, объединении ряда стран полупериферии в такие образования, как ШОС, БРИКС и ЕврАзЭС, которые на фоне ослабления позиций ЕС в результате Brexit уже в среднесрочной перспективе могут составить реальную альтернативу коллективному Западу. Уже в наши дни совокупный экономический и военно-политический потенциал Китая и России почти не уступает таковому США. Одним словом, рядом и вопреки воле и желанию *господствующего развитого центра* силы крепнет вырастающий из полупериферии могущественный *альтернативный центр силы*, а мир-система становится бицентричной. Разумеется, Россия, с учетом ее исторической традиции и современного геополитического положения, будет претендовать на статус вполне *самостоятельного* (третьего) *центра силы*, однако в силу ее устойчивой экономической полупериферийности эти амбиции вряд ли осуществимы даже в среднесрочной перспективе.

* Она может быть названа и *биполярной*, если учесть разную цивилизационную принадлежность большинства участников обоих полюсов.

Влияние современных геополитических и геоэкономических сдвигов ощущают все страны, а его характер и результаты определяются, прежде всего, мощностью актуализированного *национального* потенциала той или иной страны и ее соответствующим положением в мировой “табели о рангах”. Судя по значениям индексов национального развития (см. последние четыре колонки таблицы 2), Украина пока сохраняет приобретенный в советский период своей истории *полупериферийный* статус*. Однако резкое падение объемов ВВП на душу населения до уровня беднейших стран, ускорение деиндустриализации и структурной деградации экономики, ухудшение большинства социальных показателей свидетельствуют об усилении *тенденции к периферизации* или “третьемиризации” национальной экономики. К сожалению, страна утратила лидерство в тех отраслях и видах деятельности (космическая техника, авиастроение, точное машиностроение и др.), которые служили хорошим плацдармом для ее рывка в технологический “оазис” развитого центра.

Подобно другим странам полупериферии и периферии с ограниченным государственным суверенитетом и достаточно влиятельным “внешним” управлением, которые движутся в фарватере развитого центра, Украина является не столько субъектом, сколько объектом его глобальной политики, призванным *особым* образом (соответствующим ее отличному от других стран положению в геополитических и геоэкономических координатах) обслуживать его (центра) глобальные и другие интересы. Коренным же *национальным интересам Украины* вряд ли соответствует отведенная ей роль как: 1) источника недорогих ресурсов (например, объемы утечки национального предпринимательского капитала за годы независимости оцениваются в десятки миллиардов долларов, а утечка наиболее конкурентоспособного человеческого капитала вообще не поддается адекватной стоимостной оценке) и места размещения экологически грязных производств; 2) крупного нетто-импортера продукции развитых экономик, в том числе сомнительного качества; 3) своеобразной “буферной” зоны между развитым центром и российской полупериферией; 4) средства ослабления и сдерживания России, поддержания военно-политической напряженности на ее границах; 5) некоего глубокого “рва”, пересекающего Центральную Европу с севера на юг и призванного воспрепятствовать евразийской экономической интеграции от Атлантики до Тихого океана как опасному конкуренту трансатлантического и транстихоокеанского проектов. В этом контексте весьма знаковым является существенное “сжатие” украинского транзитного и логистического потенциалов. В результате ослабления национальной экономики и государства Украина стала объектом жесткого геополитического и геоэкономического давления полупериферийной России, которой трудно смириться с потерей столь значимой для ее национально-цивилизационного прогресса зоны влияния.

Обобщая вышеизложенное, следует констатировать, что в известном смысле Украина становится объектом *глобального противостояния господствующего центра силы и активно формирующегося нового центра силы*. Опыт полупериферийных стран, в том числе новых индустриальных, которые уже достигли уровня развитых стран по многим показателям, свидетельствует, что в условиях вхождения глобальной мир-системы в режим бифуркации, по И. Валлерстайну, повышенной напряженности и волатильности любой из наиболее вероятных *вариантов* доминантного

* С известной долей условности здесь принято, что полупериферийность страны адекватно маркируется близкими к среднемировым значениями индексов национального развития. Соответственно, значения индексов развитых стран существенно превышают среднемировые, а периферийных – значительно уступают среднемировым.

позиционирования Украины — будь то: 1) дальнейшее пребывание в составе периферии развитого коллективного Запада; 2) ориентация на совместное участие в формировании нового развитого центра; 3) борьба за особый статус, опирающийся на естественные геополитические преимущества и предполагающий военно-политическое неприсоединение и равноправное экономическое сотрудничество с обоими центрами силы, — не является надежной гарантией от периферизации и залогом ускоренного развития без *кардинального усиления национального государства*, обеспечивающего общенациональный консенсус и способного последовательно отстаивать общенациональные интересы. Только в процессе решения этой сугубо внутренней проблемы посредством широкого национального диалога и достижения национального согласия станет очевидным предпочтительное для Украины положение в новой мир-системе глобализма. Но в любом случае Украина останется в центре Европы.

Политэкономические аспекты

Императивное для успешного будущего страны национальное согласие может быть достигнуто не только и не столько в сессионных залах и высоких кабинетах, сколько в процессе повседневной экономической, социальной и политической деятельности миллионов граждан, в процессе активного взаимодействия их различных интересов, в том числе экономических. Без такого полноценного взаимодействия трудно рассчитывать на рождение, доминирование и эффективную реализацию *общенациональных* интересов и целей — не только *общих* для всех социальных кластеров (групп, слоев) и образующих их граждан, но и *синергично-общественных*, эмерджентных. Чтобы разобраться в столь сложной проблематике, целесообразно обратиться, прежде всего, не к ортодоксии — неоклассике и кейнсианству, методологический индивидуализм и рафинированный экономизм которых весьма далек от персоналистичности и соборности украинского национального характера, и даже не к гетеродоксальным институционализму и эволюционизму, которые оперируют безусловно полезным, но в данном случае менее функциональным категориальным аппаратом, а к *отечественной* политэкономической традиции, ибо только в *политической экономике* “альфой и омегой” исследования являются экономические интересы, их основы, механизмы и формы.

Почему же за четверть века независимости *общенациональные интересы* не окрепли настолько, чтобы составить достойную конкуренцию иным интересам — частным, групповым, клановым, корпоративным? Разумеется, нужно учитывать рассмотренную выше амбивалентность этнонациональной и цивилизационной идентичности украинского общества. Но отнюдь не только она одна является барьером на пути к национальному согласию. Имеются барьеры не менее сложные, но которые сознательно возводятся. С политэкономической точки зрения главный из них — тесная *уния* ТНК и связанных с ними правительственных структур развитых стран, с одной стороны, и украинских кланово-корпоративных групп (КлКрГр) — субъектов частнокапиталистического властно-собственнического присвоения ключевых объектов общенационального значения, поочередно приватизирующих государственную машину *, — с другой. Эта уния родилась уже в первые годы независимости и по мере укрепления КлКрГр при прямой поддержке своих зарубежных партнеров заняла “командные высоты” в экономике, государстве, обществе и та-

* Более подробно о КлКрГр и их месте в системе национального присвоения см. в [37, с. 92–108].

ким образом обеспечила наиболее благоприятные условия для реализации частно-капиталистических интересов – и своих, и партнеров.

Под поочередно сменяющимися друг друга и зачастую сосуществующими популистскими лозунгами либерализации, европеизации, демократизации и т. п. реализуются весьма конкретные и эффективные меры, которые позволяют, как говорится, “одним выстрелом убить двух зайцев” – и присваивать “лакомые” общенациональные активы, дополнительные доходы, и возводить труднопреодолимые *барьеры* на пути полноценного формирования и реализации *особых* экономических интересов других социальных кластеров, а также активного взаимодействия и *согласования* этих интересов. Рассмотрим этот пункт подробнее.

Многолетняя политика активного протекционизма, проводившаяся правительствами западноевропейских стран и США в период становления и укрепления их национальных государств, преследовала не только хорошо известные цели создания национальной конкурентоспособной промышленности и внутреннего рынка. И то, и другое рассматривалось как эффективные рычаги *консолидации* нации, ибо ничто так не сближает экономические интересы граждан, как их непосредственные, без иностранных посредников, экономические контакты по каналам *национальных* кооперационных связей и рыночных трансакций. К этой политике правительства развитых стран прибегают и в современных условиях, не обременяя себя подписанными соглашениями в рамках ВТО, если только оказываются под угрозой национальный диалог и национальные интересы. Этот опыт весьма показателен для национальной экономики Украины.

На фоне мирового прогресса V и VI технологических укладов, развертывания четвертой промышленной революции и глобальной неоиндустриализации, о чем убедительно пишет В.П. Вишневецкий [3, с. 26–29], украинская деиндустриализация выглядит как *индустриальная контрреволюция*, и не только в собственно технико-технологическом отношении. *Во-первых*, разрываются *индустриальные скрепы* национального единства путем разрушения устойчивой кооперации десятков тысяч граждан в разных регионах страны, которые (граждане) вынуждены искать достойное альтернативное трудоустройство, в том числе за рубежом. *Во-вторых*, размываются основы постиндустриального развития национальной экономики. Как известно, постиндустриализм рождается в недрах индустриализма, взрослеет, укрепляется в сотрудничестве с ним и только тогда начинает развиваться на собственных основах. Подобным образом *постиндустриальная культура* не может возникнуть вне и без мощной подпитки культурой индустриальной, а потому деиндустриализация национальной экономики известным способом *неофеодализирует* национальную хозяйственную культуру, лишая ее перспектив обретения солидного постиндустриального пласта, а национальный диалог – новых прогрессивных форм, прежде всего по каналам сетевой экономики. Кстати, относительно благополучное состояние отечественного IT-сектора на фоне деградирующей промышленности во многом объясняется тем, что имманентные национальному характеру украинцев и адекватные постиндустриальным вызовам интровертность, интуитивизм, кордоцентричность умело используются зарубежными фирмами, поскольку для становления конкурентоспособного *национального* IT-бизнеса у государства нет средств.

Свидетельством антинационального характера деиндустриализации экономики является фактическая потеря целых отраслей, например, судостроения, морского торгового флота, на что справедливо обращает внимание Б.В. Буркинский [2,

с. 109–111], а также тех крупных объектов общенационального значения, которые могли бы стать фундаментом создания *украинских* ТНК. В условиях глобализации цепочек создания стоимости и добавленной стоимости, а также соответствующих воспроизводственных контуров принципиальное значение имеет *позиционирование* главных звеньев этих цепочек и ядер указанных контуров. В отечественной металлургии, например, таким звеном и ядром мог бы стать комбинат “Криворожсталь”, и именно на его базе могла быть создана мощная отечественная ТНК, способная конкурировать с “Евразхолдингом”, “Северсталью” и другими зарубежными ТНК. Вместе с продажей комбината и его вхождением в состав известной компании “Mittal Steel” пропала и надежда на отвечающую стратегическим общенациональным интересам стратегию его развития. Подобные примеры нетрудно найти и в других отраслях (авиакосмической, турбоатомной, судостроительной). Между тем, именно ТНК являются не просто экономическими “суперобъектами”, но и представляют весьма значимую *инфраструктуру* согласования экономических интересов национальных экономических субъектов, национального диалога, выступают важными *центрами консолидации нации*, ее достойного позиционирования в когорте других наций, ибо, как говорится, в известном смысле “то, что хорошо для “General Motors”, хорошо для США”.

Согласованные действия КлКрГр и послушной им государственной машины оставляют немного шансов пассионарной *мелкой и средней буржуазии* для легального формирования и конкурентоспособного уровня реализации своих особых экономических интересов. В отношении с ней КлКрГр следуют, главным образом, стандартам диктата, а не равноправного диалога. Неблагоприятные условия для мелкого и среднего предпринимательства во многом блокируют легальную экономическую самореализацию многочисленных этнических групп и их представителей, материализацию их во многом уникальных паттернов хозяйствования. Таким образом, с одной стороны, значительный массив реальных экономических интересов граждан остается в латентном состоянии, а потому во многом за пределами легальной сферы взаимодействия и согласования интересов разных социальных кластеров, а с другой — сама эта сфера в значительной степени становится теневой, воспринимая соответствующие негативы девиантности. С учетом значительных масштабов теневой экономики (по разным оценкам, в ней производится от 30% до 50% ВВП страны) ее значимость во взаимодействии и согласовании экономических интересов граждан практически не уступает значимости легальной экономики. Поэтому стоит ли удивляться, что в весьма чувствительную сферу национального диалога привносятся механизмы и инструменты, подобные теневым коррупционным сделкам, разборкам, наездам и т. п.? Можно ли согласиться с тенизацией формирования общенациональных интересов? Риторический вопрос.

Наемные рабочие, лишившиеся в результате деиндустриализации рабочих мест, сталкиваются не только с трудностями организации “своего дела” и эмиграции с целью трудоустройства, но и с ограниченностью спроса на их рабочую силу в сфере услуг и торговли. Оказавшись перед выбором между профессиональной переподготовкой с неясными перспективами трудоустройства, социальным иждивенчеством и сомнительной теневой занятостью, в том числе криминального характера, далеко не все из них выбирают первый вариант действий. Поскольку же приемлемые для незанятых формы национального диалога не задействованы, в том числе по причине неразработанности таковых, их (незанятых) значительная часть находится за его пределами.

Неизбежными спутниками деиндустриализации и известной анклавизации * национальной экономики являются деградация и фрагментация *внутреннего рынка*. Речь идет не столько о сжатии совокупного спроса вследствие неизбежного в условиях перманентного экономического кризиса и стагнации снижения доходов критической массы населения, сколько о: 1) растущих масштабах присутствия иностранных производителей; 2) прогрессирующей регионализации рыночных сделок. Если важнейшей функцией внутреннего рынка считать споспешествование экономическим связям, прежде всего, *национальных* экономических субъектов, которые подобно нитям “сшивают” экономику и нацию в единое целое, то оба указанных процесса не являются функционально благоприятными. *Первый* – потому, что иностранные производители представляют не национальные воспроизводственные контуры, в силу чего неизбежно разрывают соответствующие национальные, а *второй* – потому, что усиливает центробежный потенциал экономики и общества. В связи с этим нельзя недооценивать преимущественно *региональный* характер ведущих КлКрГр, *регионализацию* рынка труда, предложения о разных формах экономической автономии, самостоятельности и другие подобные факты. С учетом особенностей этнического состава некоторых регионов указанные процессы и факты способствуют рецидивам своеобразной *неофеодализации*. В данном случае речь идет об опасной тенденции к *центробежности* – доминировании региональной самоидентификации и консолидации граждан над общенациональной. Указанная опасность возрастает вместе с углублением кризиса региональной экономики. Фундаментальная характеристика такого кризиса экономики Донбасса и путей выхода из него представлена в статье А.И. Амоши [1].

Прямым следствием эгоистических действий КлКрГр и их партнеров по упомянутой унии является углубление опасных *разрывов в социальной ткани общества*. Сопутствующие им процессы и феномены глубоко исследованы Э.М. Либановой [7]. Речь идет, прежде всего, о неравенстве в распределении доходов, уровне благосостояния, имущественном положении, разной степени доступности качественных услуг образования и здравоохранения, фактах блокирования “социальных лифтов”, а также привилегированном распоряжении дефицитными ресурсами и национальными активами. Указанные разрывы существенно затрудняют диалог между разными социальными кластерами и их представителями, согласование их отличающихся между собой экономических интересов (например, интересов предпринимателей в максимизации прибыли и наемных рабочих – в достойной заработной плате), а следовательно, и становление *гражданского общества*, коммуникативная роль которого в достижении национального согласия и консолидации *не уступает* роли государства.

Широкому общественному диалогу не способствует и доминирующая в украинской политике *квазидемократическая* система, обслуживающая преимущественно интересы КлКрГр. Приоритет политической целесообразности над экономической необходимостью, о котором убедительно пишет В.М. Гец [5], опирается на их вполне определенные экономические интересы, как то: присвоение тех или иных активов в результате принятия соответствующего законодательного и/или нормативного акта, получение дополнительных преференций и прибыли от вступления страны в ВТО и др. Львиная доля доходов КлКрГр по-прежнему покидает пределы национальной экономики и таким образом обескровливает ее, лишая ресурсов инновационного инвестирования и расширенного воспроизводства.

* В данном случае термин “анклавизация” призван отразить растущую технологическую фрагментированность национальной экономики, неорганичный симбиоз слабо связанных между собой производств, относящихся к разным технологическим укладам, причем низшие уклады представлены, как правило, национальными фирмами.

В квазидемократической системе не представлены целые социальные кластеры (например, наемные рабочие и пенсионеры), а в ряду ее приоритетов общенациональные интересы занимают отнюдь не ведущие позиции. Стоит ли удивляться, что она не обеспечивает консенсусное согласование экономических интересов различных социальных кластеров не только в обществе, но и на уровне ветвей государственной власти. В связи с этим вполне объясним крайне низкий уровень общественного доверия к органам государственной власти и местного самоуправления. Тем не менее, большинство украинцев именно с государством связывают надежды на преодоление экономического кризиса, социальной несправедливости и рост своего благосостояния. Такая гражданская позиция отражает не только базовые свойства национального характера, но и растущее общественное *осознание* пагубности проводимых реформ вместе с их генерирующей социально-экономической системой, и возможных путей выхода из тяжелой ситуации.

Большинство украинцев выступают за повышение роли государства в экономике, государственную собственность на объекты общенационального значения, при этом признавая значимость и частной собственности, и конкурентного рынка. Разумеется, они имеют в виду не приватизированную КЛКРГр, а *общенациональное* государство. На политэкономическом языке это формулируется как необходимость *перехода* от социально-экономической системы с господствующим олигархическим капитализмом периферийного типа к системе с мягким доминированием демократического и социально ориентированного государственного капитализма. Частнокапиталистическое властно-собственническое присвоение ключевых общенациональных объектов должно уступить место госнациональному и госкапиталистическому присвоению; квазидемократическая система — подлинно демократической, сочетающей украинские национальные традиции и современный прогрессивный опыт, в том числе западноевропейский; асоциальная экономика — социально ориентированной, отвечающей не только глобальным вызовам, но и украинским национальным стандартам трудолюбия, справедливости, богоугодности и человечности *. Так выглядит *основное звено* сложной цепочки императивных национально ориентированных социально-экономических реформ.

Некоторые императивы социально-экономических реформ

Сформулированные участниками дискуссии научно обоснованные и значимые положения социально-экономической политики, а также ранее опубликованные в журнале статьи с соответствующими предложениями [38; 39; 40] позволяют акцентировать внимание только на тех ее императивах, которые непосредственно следуют из вышеизложенного текста. Не исключено, что некоторые из них могут показаться банальными, но, как выразился кто-то из мудрецов, большинство наших бед проистекает именно из игнорирования банальностей. Поэтому, как говорится, повторение — мать учения.

Формирование и реализация государственной политики предполагают научное знание и точный учет, *во-первых*, ноосферных темпорально-пространственных инвариантов страны — географических, природно-климатических, ландшафтных, этнонациональных и цивилизационных, обладающих значительной инерционностью и оказывающих существенное влияние на общественные, в том числе экономические, процессы; *во-вторых*, объективных законов, закономерностей и тенден-

* Об особенностях, направлениях и механизмах такого перехода см. подробнее в [37, с. 124–134].

ций эволюции глобальной мир-системы и ее отдельных подсистем, в том числе суперэтносов, этносов, цивилизаций, наций, социально-экономических систем (способов производства). В органичной связи с этими инвариантами, законами, закономерностями, тенденциями эволюционирует украинская нация как общественный организм. *Важно понять объективную логику этой эволюции, ее содержание, направленность, этапы, поскольку специфике каждого этапа должна соответствовать вполне определенная особая государственная политика.*

Рассмотренные выше этнонациональные, цивилизационные, глобальные и политэкономические аспекты эволюции и современного этапа украинского общества убеждают в адекватности его (этапа) содержанию *государственной политики национального согласия, консолидации и развития.* Ее формирование и реализация предполагают разработку научно обоснованной системы соответствующих прогнозов, стратегии, программ и планов. Здесь мы выделяем некоторые предпосылки и императивы *Стратегии национального согласия, консолидации и развития* (далее – Стратегия), главным образом, ее социально-экономического блока.

Важной предпосылкой разработки Стратегии является доскональное научное знание ее объекта. С этой целью, по нашему мнению, представляются целесообразными, *во-первых*, подготовка и проведение Всеукраинской переписи населения согласно мировым стандартам и потребностям оценки соответствующих параметров национального человеческого капитала; *во-вторых*, широкомасштабное исследование реально существующей национальной протоинституциональной системы, ее блоков и элементов, в том числе экономических, о чем уже упоминалось, поскольку его результаты не менее значимы, чем результаты переписи населения; *в-третьих*, получение научного образа реальной теневой экономики как *подсистемы* национальной экономики, содержания и характера взаимодействий теневой и легальной подсистем последней.

Полученное новое интегрированное знание создаст возможность повысить уровень реалистичности и действенности Стратегии. Тем не менее, уже имеющиеся разработки позволяют предположить, что основной идеей и ядром Стратегии должны стать *украиноцентризм и национально ориентированное развитие*, разумеется, в контексте глобальных и европейских процессов. В Стратегии целесообразно отразить ключевые направления *соразвития* всех сфер общественной жизни – экономической, социальной, духовно-культурной, этнонациональной, религиозно-конфессиональной, политико-правовой (собственно государственной и гражданской) в их системообразующих связях. В *социально-экономическом* отношении императивными для Стратегии представляются положения о:

1) кардинальном реформировании национальной собственно институциональной (законодательно-правовой) системы с целью приведения ее в динамичное соответствие с реально существующей протоинституциональной системой. В экономической сфере принципиально важны: а) создание благоприятных условий для легальной и полной реализации как общенациональной, так и плюралистической этнонациональной и религиозно-конфессиональной хозяйственной культуры; б) национализация государства, гражданского общества и рынка * и

* Имеются в виду преодоление порочной практики приватизации государственной машины КлКрГр и возврат *государству* его общенационального статуса, обеспечение преобладания национальных организаций *гражданского общества* над иностранными некоммерческими организациями, формирование развитого национального внутреннего *рынка*. Логика проста: в треугольнике “государство – гражданское общество – рынок” развитость каждого “угла” является необходимым условием и следствием развитости двух других. Эффективное развитие каждого не может быть достигнуто путем ослабления других.

формирование на этой основе национально ориентированной системы триединого (государственного, гражданского и рыночного) социально-экономического регулирования. Ее ядром призваны стать механизмы согласования социально-экономических интересов разных социальных кластеров, формирования и реализации консенсусных общенациональных (общих и эмерджентных) интересов; в) масштабная замена господствующих мутантных экономических институтов здоровыми почвенными институтами, сочетающими доминирующий национальный и приемлемый зарубежный компоненты, и на этой основе — легализация некриминальной теневой экономики;

2) демонтаже господствующей олигархически-капиталистической социально-экономической системы и формировании системы демократического и социально ориентированного государственного и народного капитализма. Речь идет, в частности, о: а) мягком доминировании госнационального и госкапиталистического присвоения объектов общенационального значения в плюралистической подсистеме форм собственности, хозяйствования и предпринимательства; б) механизмах эффективной миграции элементов присвоения (распоряжения, владения, пользования, управления и др.) между его видами и формами взаимодействия и взаимопроникновения последних, что позволит обеспечить выращивание национальных "чемпионов", украинских ТНК, развитие государственно-частного партнерства; в) культивировании экономической демократии на основе традиций интровертности, толерантности и персоналистичности украинского демократизма, а также стереотипов поведения экономических пассионариев;

3) создании конкурентоспособной национальной технико-экономической системы на основе эндогенной неоиндустриализации и инновационно-инвестиционных прорывов. В современных условиях это невозможно без опережающего развития национального человеческого капитала, которое предполагает: а) не только резкое увеличение объемов финансирования образования, науки, здравоохранения, но и их наполнение прошедшими проверку временем национальными традициями и стандартами, устранение серьезных перекосов вестернизации; б) преодоление разрывов социальной ткани украинского общества, в том числе посредством создания национальной системы социальной защиты на основе имманентных национальному характеру принципов социализации, совместного труда и присвоения, справедливости, равенства перед Богом и ответственности;

4) национально ориентированных внешнеэкономических связях, которые должны соответствовать императивам *срединного европейского и цивилизационного положения* Украины, ее экономической безопасности и развития и носить преимущественно глобальный, а не узкорегionalный характер. В связи с этим целесообразны: а) корректировка политики евроинтеграции, замена ее европоцентристской модели *украиноцентристской моделью*; б) более жесткая и последовательная защита национальных интересов во взаимодействиях с МВФ, Всемирным банком, ЕБРР и другими международными организациями; в) активизация экономического взаимодействия с Китаем и Индией; г) реанимация усилий по взаимовыгодному сотрудничеству в рамках зоны свободной торговли СНГ; д) реализация крупных инфраструктурно-логистических проектов транзитного типа;

5) содействию повышению уровня осознанной саморефлексии украинской нации и формированию критической массы граждан как социальной базы национально ориентированных реформ. В связи с этим, наряду с упомянутыми изменениями в системе образования, необходимо создать разветвленную сеть информации и про-

паганды достижений отечественной науки и культуры, популяризации научных теорий, концепций, идей с использованием современных IT-средств и IT-технологий. Ошибки массового сознания влекут за собой огромные потери и на переломном этапе эволюции общества недопустимы.

Выводы

Рассмотрение этнонациональных, цивилизационных, глобальных и политэкономических аспектов эволюции и современного состояния украинского общества с использованием теорий этногенеза, цивилизаций, мир-системы глобализма и экономических интересов, соответственно, позволило определить некоторые основания и особенности современной украинской идентичности и обосновать необходимость разработки Стратегии национального согласия, консолидации и развития, а также ее социально-экономические императивы. Дальнейшая работа в этом направлении предполагает привлечение других научных теорий и разработок, прежде всего национальных, поскольку только следование методологии меж-, мульти-, транстеоретичности и дисциплинарности гарантирует сферическое научное видение украинского общества и определение адекватных целей, направлений и механизмов его развития.

Список использованной литературы

29. *Билорус О.Г.* Экономическая система глобализма : моногр. — К. : КНЭУ, 2003. — 380 с.
30. *Власов В.И.* Академик Билорус О.Г. — основатель и лидер Украинской научной школы глобалистики // Вопросы политической экономии. — 2014. — № 4. — С. 221–238.
31. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: социология XXI века. — М. : Логос, 2004. — 368 с.
32. *Wallerstain I.* The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. — NY : Academic Press, 1980. — 388 p.
33. *Геєць В.М., Шинкарук Л.В., Артьомова Т.І.* та ін. Структурні зміни та економічний розвиток України : моногр. ; [за ред. Л.В. Шинкарук]. — К. : Ін-т екон. та прогнозів. НАН України, 2011. — 696 с.
34. *Соломон К.* Культурная экспансия и экономическая глобализация // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — № 1. — С. 105–115.
35. *Иноземцев В.* Вестернизация как глобализация и “глобализация” как американизация // Вопросы философии. — 2004. — № 4. — С. 58–69.
36. *World Economic Outlook.* — Washington : IMF, 2016. — April. — 230 p.
37. *Тарасевич В.Н.* Государственный капитализм: ренессанс versus забвение : моногр. — Днепрпетровск : ЧМП “Экономика”, 2016. — 140 с.
38. *Тарасевич В.Н.* Об ориентирах и направлениях выхода из кризиса // Экономика Украины. — 2013. — № 9. — С. 4–17.
39. *Тарасевич В.Н.* Антикризисный потенциал экономического патриотизма // Экономика Украины. — 2015. — № 6. — С. 50–52.
40. *Тарасевич В.Н.* О государственно-капиталистической обусловленности инновационного развития национальной экономики // Экономика Украины. — 2015. — № 11. — С. 16–31; № 12. — С. 10–25.

References

29. *Bilorus O.G.* *Ekonomicheskaya Sistema Globalizma* [Economic System of Globalism]. Kyiv, KNEU, 2003 [in Russian].

30. Vlasov V.I. *Akademik Bilorus O.G. — osnovatel' i lider Ukrainskoi nauchnoi shkoly globalistiki* [Academician Bilorus O.G. — founder and leader of Ukrainian scientific school of global studies]. *Voprosy politicheskoi ekonomii — Questions of political economy*, 2014, No. 4, pp. 221–238 [in Russian].

31. Wallerstain I. *Konets Znakomogo Mira: Sotsiologiya XXI Veka* [The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty First Century]. Moscow, Logos, 2004 [in Russian].

32. Wallerstain I. *The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750*. NY, Academic Press, 1980.

33. Heyets V.M., Shynkaruk L.V., Art'omova T.I. et al. *Strukturni Zminy ta Ekonomichni Rozvytok Ukrainy* [Structural Changes and Economic Development of Ukraine]. L.V. Shynkaruk (Ed.). Kyiv, Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine, 2011 [in Ukrainian].

34. Solomon K. *Kul'turnaya ekspansiya i ekonomicheskaya globalizatsiya* [Cultural expansion and economic globalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya — World Economy and International Relations*, 2000, No. 1, pp. 105–115 [in Russian].

35. Inozemtsev V. *Vesternizatsiya kak globalizatsiya i "globalizatsiya" kak amerikanizatsiya* [Westernization as globalization and "globalization" as Americanization]. *Voprosy filosofii — Questions of philosophy*, 2004, No. 4, pp. 58–69 [in Russian].

36. *World Economic Outlook*. Washington, IMF, 2016, April.

37. Tarasevich V.N. *Gosudarstvennyi Kapitalizm: Rennans versus Zabvenie* [State Capitalism: Renaissance versus Oblivion]. Dnepropetrovsk, ChMP "Ekonomika", 2016 [in Russian].

38. Tarasevich V.N. *Ob oriyentirakh i napravleniyakh vykhoda iz krizisa* [On the reference points and directions of the exit from a crisis]. *Ekonomika Ukrainy — Economy of Ukraine*, 2013, No. 9, pp. 4–17 [in Russian].

39. Tarasevich V.N. *Antikrizisnyi potentsial ekonomicheskogo patriotizma* [Anticrisis potential of the economic patriotism]. *Ekonomika Ukrainy — Economy of Ukraine*, 2015, No. 6, pp. 50–52 [in Russian].

40. Tarasevich V.N. *O gosudarstvenno-kapitalisticheskoi obuslovlennosti innovatsionnogo razvitiya natsional'noi ekonomiki* [About the state-capitalistic conditionality of the innovative development of a national economy]. *Ekonomika Ukrainy — Economy of Ukraine*, 2015, No. 11, pp. 16–31; No. 12, pp. 10–25 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2017 г.
